

**РАЗДЕЛ II. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

**SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF
HUMAN CAPITAL**

УДК: 93/94

DOI: 10.25629/НС.2023.11.01

**ИДЕЯ РОССИИ В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА (К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСНОВАХ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ)**

Омельченко Н.А.¹, Казарова Н.А.¹, Ковалев Д.В.², Селезнева Л.В.¹

¹Государственный университет управления

²Государственный социально-гуманитарный университет

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются различные подходы видных представителей русской общественно-политической мысли XIX – начала XX вв. к оценке национальных основ российской государственности в контексте формирования национально-цивилизационной идентичности России. Раскрывается значение выводов русских мыслителей об уникальности процесса элитогенеза в древнерусском государстве, который принципиально отличался от аналогичных процессов в западных государствах, специфике московской политической системы, заключавшейся в ее соборном устройстве и получившей идейное обоснование в доктрине «самодержавной соборности». Дана характеристика высказываний о национальных особенностях государственного развития России, в течение веков, по мнению большинства русских философов и ученых, неизменно соединявшего в себе одновременно принципы самодержавной автократии и вечевые традиции местных миров, что в конечном счете обеспечило устойчивость технически и политически слабого русского самодержавия в периоды кризисов, смут и внешних нашествий. Впервые подробно рассмотрены оценки русскими учеными и мыслителями места в этом процессе событий Смутного времени начала XVII в., роли земского самоуправления, местных миров, в руках которых оказалась судьба русского государства в страшные годы великой Смуты, в сохранении и возрождении рушившегося государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национальная государственность, вечевые традиции, православная демократия, социальная организация восточных славян, доктрина «самодержавной соборности», события Смутного времени.

ВВЕДЕНИЕ

В 1934 г. в русском эмигрантском журнале «Новый град» был опубликован ответ известного русского философа и религиозного мыслителя Ф.А. Степуна (1884-1965 гг.) на анкету Пореволюционного Клуба, в котором он делился своими мыслями об исторической миссии и историческом призвании России. Ставить под сомнение величие России и русского народа, с особой глубиной философского и художественного раздумья, мучившегося, по словам автора, над вопросами своей сущности и судьбы, русским людям не приходится. Никто не станет отрицать, как считал философ, что у русского народа была и есть своя великая идея и своя трудная миссия [1, с. 1].

Более сложной, по мнению Ф.А. Степуна, следует считать проблему, как формулировать российскую национально-историческую идею, ибо любые отвлеченные формулировки русской идеи могут привести к необоснованным и поспешным выводам, что «весьма опасно не только для теории, но и для политической практики». Русская идея, считает философ, может жить в народе или бессознательно, сокровенно, или сознательно, в форме рационально раскрытой и упроченной мессианской историософии. Но надо «твердо знать и неустанно помнить», что в процессе теоретического раскрытия идеи отвлеченно формулирующий разум «легко отрывается от ее живой конкретности, что неизменно приводит к подмене Божьего замысла о мире (т.е. идеи) произвольными домыслами и выдумками о нем (т.-е. идеологиями)» [1, с. 16].

ОБСУЖДЕНИЕ

С приведенными выше рассуждениями Ф.А. Степуна трудно не согласиться. Сама по себе идея России при всей ее внешней простоте и кажущейся ясности в реальности весьма многосложна и политически и исторически часто неуловима: ее трудно облечь в какую-то заранее определенную форму. С другой стороны, политическая история России заставляет признать ошибочным и по меньшей мере некорректным ставшее привычным противопоставление западных форм политики и культуры, западных государств, основанных, как принято считать, на демократических принципах, и «азиатских», якобы потенциально «деспотических» формах государства. Условность этого противопоставления становится очевидной если не забывать, что, во-первых, всякое государство по своей природе авторитарно, уже потому, что независимо от существующего в той или иной стране государственного строя государство как политический институт не может не выполнять только ему присущую функцию легитимного принуждения. Вопрос только в том, в какой мере авторитарная сущность государства ограничена началами политического «автономизма» и общественной самодеятельности его граждан.

По мнению известного русского историка Н.М. Карамзина, одной из главных опасностей для государства является ослабление государственной власти, сопровождающееся, как правило, усилением власти олигархии. Становясь «игралем олигархии», государственная власть может превратиться, о чем свидетельствует история всех стран и народов, в «безвластие» и «безначалие», что, безусловно, по мысли Карамзина, «ужаснее самого злейшего правителя, подвергая опасности всех граждан», тогда как тиран «казнит только некоторых» [2, с. 46].

Важно и другое обстоятельство, на которое в свое время обратил внимание русский философ Н.А. Бердяев. По его мнению, в русской общественно-политической мысли и народном сознании в течение длительного времени преобладало не критическое упрощенное отношение к самой идее демократии. Часто без учета неоднозначности процесса реализации ее принципов в различных исторических условиях. Русские люди слишком часто забывали, что «религия демократии, как она была провозглашена Руссо и как была осуществлена Робеспьером», «может совершенно подавлять личность и не признавать её автономного бытия» и что государственный абсолютизм в демократиях так же возможен, как и в самых крайних монархиях, а народо-властие так же может лишить личность её неотъемлемых прав, как и единовластие [3, с. 227].

Это замечание крупного русского мыслителя особенно актуально сегодня в контексте наблюдающихся тенденций в политическом развитии современных западных демократий. К числу основных из них следует отнести, с одной стороны, чрезмерный ультраполитизм, выражающийся в засилии политики и гипертрофии государства, перегруженного множеством не свойственных ему функций, с другой стороны, углубляющийся «ультрапарламентаризм», характерной чертой которого является концентрация властных полномочий в руках отдельных личностей, в персонале «народных представителей», монополизировавших государственные функции и отстранивших на деле от власти сам «народ».

Возвращаясь к заявленной в предлагаемой публикации теме исследования, заметим, что идея России и связанный с нею вопрос о судьбах национальной государственности имели особое значение для русской общественно-политической мысли, прежде всего, в силу национальных особенностей государственного развития России, в течение веков неизменно соединявшего в себе одновременно принципы самодержавной автократии и вечевые традиции местных

миров. И именно сильный и развившийся автономизм местных миров, на который исторически вынуждено было опираться технически и политически слабое русское самодержавие, спасал и освобождал Русь в периоды кризисов, смут и внешних нашествий.

Эту особенность государственного развития России отмечали многие трезво мыслящие русские философы и ученые, стремившиеся понять и раскрыть специфику и своеобразие российской государственности, ее достижения и исторические возможности. Сформулированные ими государственные идеалы выгодно отличались от резко контрастирующих с реальной жизнью прозападных государственных концепций русской вестернизированной интеллигенции, для которой характерна была значительная доля схематизма и догматизма, неизбежно приводившая к игнорированию или полному отрицанию многообразия общественных процессов и государственного развития России.

Совершенно очевидно, что многие национальные особенности российской государственности можно объяснить самими условиями, в которых происходило становление государственных отношений в ранний период исторической эволюции России и которые значительно отличались от условий зарождения и эволюции государств Западной Европы.

На эти обстоятельства обращали внимание основатели и теоретики русского славянофильства, доказывавшие неприемлемость для России западноевропейского пути развития и считавшие сохранение самобытности страны основным средством спасения русского государства [4, с. 380-381]. Противопоставляя принципам западноевропейского феодализма, лежавшего в основе большинства европейских стран, древнюю русскую историю, теоретики славянофильства предлагали искать основные причины дезинтеграции и кризисных явлений в западных обществах в самих феодальных отношениях и, в частности, в господстве эгоистического индивидуализма и голого рационализма в западных странах. Государственная же власть в Древней Руси, по их мнению, была построена на иных основаниях, принципиально отличавшихся от политических порядков, утвердившихся в Западной Европе: Древней Русью с самого начала управляли князья, которые принадлежали к одному роду Рюриковичей и добровольно подчинялись старшему князю (по мнению некоторых ученых, это был своего рода «семейный феодализм»). Эта особенность с самого начала, по мнению славянофильских авторов, создавала основы для укрепления единства Древней Руси [5, с. 62].

Сказанное подводит нас к выводу об уникальности процесса элитогенеза в древнерусском государстве, который принципиально отличался от аналогичных процессов в западных государствах. Его особенностью было то, что в отличие от западных королей древнерусские князья строили свои отношения со своими дружинами не на основе вассальной зависимости от князя, а на основе принципа личной преданности князю, свободного доступа в дружину, равно как и свободного выхода из нее. В этом смысле интерес представляет точка зрения, которую в свое время высказал крупный исследователь древнего периода в истории России А.Г. Кузьмин, считавший, что в первых русских князьях правильнее видеть не столько завоевателей, сколько представителей местного населения (Олег не «взя град», а «прия град») [6, с. 40].

К сказанному можно добавить мнение известного русского историка С.Ф. Платонова, считавшего, что в отличие от большинства европейских стран власть первых русских (варяжских) князей не могла строиться на кровном начале, равно как для призванных править варяжских князей русская земля не могла быть их собственностью, подобное понимание своей власти утвердилось в сознание русских (уже московских) государей гораздо позже, когда было создано единое русское централизованное государство [7, с. 108-109].

Столь же определенно о своеобразии государственного развития в древний период в истории России высказывался другой русский мыслитель Г.П. Федотов, считавший, что существование в Великом Новгороде уникальной по своему значению Православной демократии во многом объяснялось тем, что в власть Новгородской республики во всей ее полноте никогда не принадлежала древнерусским князьям. Во-первых, князья не задерживались надолго в Великом Новгороде, куда они приглашались народным вече, во-вторых, всегда делили ее с вершущей местное боярство, отчасти с дружиной, а также с народным вечем».

Не менее важными представляются наблюдения Г.П. Федотова о достоинствах и слабых сторонах древнерусской государственности. Отводя русской «вечевой демократии» выдающуюся роль в создании условий не менее благоприятных для развития личной и политической свободы, чем во многих западных странах, автор в то же время не разделял идеализированную версию древней истории России славянофильских теоретиков, обосновывавших тезис о бесконфликтности русского общества и единстве Киевской Руси. По мысли Г.П. Федотова, именно неразвитость государственного начала, равно как и отсутствие единства являлось большим «несчастьем» древней Руси [8, с. 276-282].

Подтверждение этой точки зрения мы находим и в сочинениях крупного русского историка В.О. Ключевского, указывавшего на факты не прекращавшихся усобиц в Киевской Руси, «бессмысленных драк княжеских», в которых ученый видел прямое народное бедствие [9, с. 78].

Обратимся в этой связи к авторитетному мнению известного исследователя древнего периода в истории России А.Г. Кузьмина, наиболее обстоятельно исследовавшего социальную организацию восточно-славянского общества. Отмечая бесспорные достоинства социальной организации восточных славян (такие как открытость славянской общины, обусловившая широкий демократизм славянского общественного устройства, и др.), ученый отмечал в ней ряд слабых сторон. К числу основных из них автор относит отсутствие в славянском обществе особенно на первых этапах его государственного развития развитых иерархических структур, способных достроить государственность «доверху». Именно это обстоятельство в условиях усиления внешней опасности (со стороны хазар с юга и норманнов с севера) «заставляло славян искать внешней власти», которая смогла бы «организовать общество и отстоять независимость молодого народа» [6, с. 39-42].

Ряд важных наблюдений по этой неоднозначной проблеме мы находим в сочинениях Н.А. Бердяева, много размышлявшего о психологии русского народа, русских «антиномиях» и специфике национальной государственности. В статье «О власти пространств над русской душой» философ отмечает самую большую загадку государственного развития России, заключающуюся, по его мнению, в отношении «между русским народом, которого славянофилы прославляли народом безгосударственным, и огромным русским государством [3, С. 62]. Именно власть пространства, как считал русский философ, воспитала двойственное отношение русских людей к государству. С одной стороны, русский народ был самым государственным народом, создавшим, по словам Бердяева, «могущественнейшее в мире государство», и все его силы были подчинены «колоссу государственности, превращающему все в свое орудие» [3, С. 6]. С другой стороны, Россия являлась, по мысли Бердяева, «самой анархической страной в мире, и русский народ в некотором смысле был «самым аполитичным народом», част «не умевшим устраивать свою землю» [3, с. 4]. Государственная власть «всегда была внешним, а не внутренним принципом» русского народа, она «приходила как бы извне, как жених приходит к невесте», оттого так часто «власть производила впечатление иноземной, какого-то немецкого владычества» [3, с. 5]. В этом смысле и большая часть русской интеллигенции, по мнению философа, «была русской в своей безгосударственности», точно так же, как русские либералы «всегда были скорее гуманистами, чем государственниками» [3, с. 4].

Если отвлечься от некоторых бердяевских преувеличений, нельзя не увидеть в словах философа немало верных наблюдений, которые подтверждаются, кроме прочего, как было показано нами выше, данными исторической науки. В то же время следует согласиться с мнением тех авторов, кто справедливо считает лишенными основания утверждения, отводившие народным массам в общественно-политической жизни России роль пассивного наблюдателя и видевших в них послушное орудие властвующей элиты. В подобных оценках игнорируется главная особенность политико-государственного развития России, заключающаяся, как мы уже отмечали, в длительном сосуществовании в российской истории двух параллельных начал – государства и общины. На эту особенность русской истории указывал И. Солоневич, резко критиковавший «бездарную выдумку» некоторых авторов, в соответствии с которой российская государственность «словно прыгнула из какой-то таинственной засады» на шею народа «и оседлала его на несколько веков... Так, как если бы русский народ был только материалом для стройки» [10, с. 121].

Приведенное замечание известного русского историка в полной мере может быть отнесено к периоду формирования в Московской Руси основ централизованного государства, которое длительное время характеризовалось как «патримониальная (вотчинная) монархия», а с недавнего прошлого как «земско-служилое» [11, с. 435] или «земско-самодержавное» [12, с. 415] государство. Здесь важно отметить, что новые подходы к оценке характера московской государственности подтверждаются самим фактом возрождения в Московской Руси присущих русскому обществу и в значительной мере утраченных в период ордынского ига традиций самоуправления, кроме прочего воплощенных в созыве и деятельности Земских соборов. Несомненным достоинством этой модели государственного развития являлось то, что она позволила московским государям не только создать могучее российское государство, но и заложить основы его устойчивого развития в долгосрочной перспективе.

В последнее время приобретает широкую популярность точка зрения исследователей, выделяющая в качестве отличительной черты московской политической системы ее соборное устройство, идейному обоснованию которого должна была служить доктрина «самодержавной соборности». Согласно этой доктрине, московские государи являлись последними независимыми православными государями после падения Византии, что давало им основания ставить себя выше европейских королей и императоров, власть которых лишена была элемента сакральности, не могла апеллировать к своему божественному происхождению. В то же время доктрина богоустановленности царской власти изначально предполагала особые отношения к ней народа, который подчинялся верховной власти царя не столько по убеждению, сколько по доверию [13, с. 128-129].

Не забудем при этом напомнить, что доктрина «самодержавной соборности» утверждалась в обстановке острой идеологической борьбы между адептами теории «Москва – третий Рим», видевшими будущее российской властвующей элиты в сближении с политической культурой Европы (Русь как наследница первого и второго Рима), и сторонниками теории «Россия – второй Израиль», склонными считать Россию «воскресшим» царством Израиль, непосредственно связанным с «промыслом Божиим».

Вопрос об идейных основаниях государственного развития был одним из центральных в историософских построениях евразийских теоретиков, считавших, что жизнеспособность всех государств и народов в определяющей степени зависела от господствовавшей в том или ином обществе объединяющей его идеи. На идее об имперском величии строилось могущество Древнего Рима, укорененностью в общественном сознании монархических чувств и идей объяснялась устойчивость и жизненный цикл исторических монархий. Как считали евразийцы, это касалось всех времен и народов, в том числе России, в политической истории которой российская самодержавная монархия долгое время опиралась на утвердившуюся в Московской Руси идеологическую доктрину «Москва – третий Рим», а в более поздний период такой объединяющей идеей стала известная «уваровская» формула «самодержавие, православие, народность». По мнению евразийских теоретиков, крушение русской монархии в 1917 г. не в последнюю очередь было обусловлено углублением ценностного конфликта в российском обществе («конфликта истин», по Б. Сутору) и связанной с ним утратой русским самодержавием объединяющей обществу государственной идеи. В отличие от этого политические оппоненты русского царизма – Ленин и большевики смогли уловить глубинные настроения и чувства рабочего класса и русского крестьянства, чтобы с учетом этих настроений сначала прийти к власти, а затем добиться идеологического господства в послеоктябрьский период.

Большой интерес для осмысления исторического вектора развития национальной российской государственности представляют события, известные как Смутное время в Московской Руси в начале XVII в., которое по-разному оценивалось русской общественной и научной мыслью. Так, славянофилы одними из первых связали со Смутой в русском государстве важную роль низовой народной демократии, представленной местными мирами, крестьянскими общинами с их вековым опытом самоуправления, в сохранении и возрождении русского государства, оказавшегося в глубоком кризисе. По мнению славянофилов, именно благодаря крепкому земскому устройству, сумевшему сохранить себя в годы «великого московского разорения»,

было спасено рушившееся государство. И в формировании народных ополчений, освободивших русскую землю в годы Смуты, славянофилы склонны были видеть результат народного творчества, что уже само по себе опровергало устойчивый стереотип, обосновывавший историческую неприспособленность к самоуправлению, якобы изначально присущую русскому народу.

Ряд интересных свидетельств о роли земского самоуправления, местных миров, в руках которых оказалась судьба русского государства в страшные годы великой Смуты, мы находим в сочинениях упоминавшегося уже нами русского историка С.Ф. Платонова, в его «Лекциях по русской истории». Трагические события Смутного времени, усиленные иностранным вмешательством и сопровождавшиеся частой сменой правящих группировок в Московском государстве в совокупности с предательскими действиями московского боярства, не могли не оказать, по мнению ученого, глубокого воздействия на русский народ, который постепенно стал усваивать, «новые чувства и понятия», связанные с пониманием места и роли государства в жизни общества. Если до этого в течение многих десятилетий, предшествующих Смутному времени, большинству русских людей свойственно было отношение к государству как к государственной вотчине, во главе которой стоял ее полновластный хозяин московский государь, то теперь в новых условиях многие русские люди все чаще начинают связывать понятие государства с «землей», с понятием «общей пользы». В то же время драматические условия преодоления Смуты требовали от самой политической элиты принципиально новых форм ее взаимоотношений с обществом, с местными мирами: она «начинает усваивать понятие «земской» пользы, превращаясь во власть «вполне государственного характера», она советуется с обществом (местными мирами), ищет в нем поддержку [7, с. 108-109].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение заметим, что именно от событий Смутного времени можно вести начало формирования в политическом развитии России новых подходов к трактовке сущности государства и государственной власти в современном ее понимании. С другой стороны, народ русский подсознательно понимал важность восстановления и укрепления в процессе преодоления разрушительных последствий Смуты традиционной российской государственности в лице новой династии Романовых. Ряд важных доказательств в пользу этого тезиса мы находим в оригинальном труде одного из евразийских авторов Н.Н. Алексеева «Русский народ и государство». По мысли автора, народные массы в России «в полном соответствии с языческими образцами самодержавного монархизма» на протяжении веков разделяли «убеждение о подобии порядка небесного и порядка земного» Все это, по мнению Н.Н. Алексеева объясняло, почему народ русский, «не раздумывая, поддержал программу возрождения исторической государственности в грозные годы Смуты» [14].

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Степун, Ф.А. Идея России и формы ее раскрытия // Новый град. 1934. № 8.
2. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М., 1991.
3. Бердяев, Н. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. Репринт. воспроизв. издания 1918 г. – М., 1990.
4. История России: в 4 т. Т.2. Становление и развитие Российской империи (XVIII – первая половина XIX века): коллективная монография / под ред. Н.А. Омельченко; предисл. Н.А. Омельченко; отв. ред. Н.А. Омельченко. – М.: ИНФРА-М, 2018.
5. В поисках общественного идеала: проблемы российской государственности в общественно-политической мысли России (X – начало XXI вв.) [Текст]: монография / Государственный университет управления; [Омельченко Н.А. [и др.]]. – М.: Издательский дом ГУУ, 2015.
6. Кузьмин, А.Г. Мародеры на дорогах истории. – М., 2005.
7. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории. Вып. 2 / С.Ф. Платонов. – СПб. 1899.

8. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России: [В 2 т. / Г. П. Федотов; Сост., вступ. ст., с. 3-38, примеч. Бойкова В. Ф.]. – СПб., 1992. Т. 2
9. Ключевский, В.О. О русской истории: [Сборник] /Сост., авт. предисл. и примеч. В.В. Артемов; Под ред. В.И. Буганова. – М., 1993.
10. Солоневич, Л. Народная монархия. – М., 1991.
11. Алексеев, Ю.Г. Судебник Ивана III. Традиции и реформа. – СПб., 2001.
12. Кривошеев, Ю.В. Русь и монголы: Исследования по истории Северо-Восточной Руси XII-XV вв. Изд. 3-е, испр. и доп. – СПб., 2015.
13. Федотов, Г.П. Судьба и грехи России : [В 2 т. / Г. П. Федотов ; Сост., вступ. ст., с. 3-38, примеч. Бойкова В. Ф.]. – СПб. : София, 1991. Т.1.
14. Алексеев, Н.Н. Русский народ и государство. – М., 1998.

**THE IDEA OF RUSSIA IN RUSSIAN SOCIO-POLITICAL THOUGHT
OF THE XIX – EARLY XX CENTURY (TO THE QUESTION OF NATIONAL
FOUNDATIONS OF RUSSIAN STATEHOOD)**

Omelchenko N.A.¹, Kazarova N.A.¹, Kovalev D.V.², Selezneva L.V.¹

¹State University of Management

²State Social and Humanitarian University

ABSTRACT

The article studies various approaches of prominent representatives of Russian social and political thought of the XIX – early XX centuries to the assessment of the national foundations of Russian statehood in the context of the formation of national-civilisational identity of Russia. The significance of the conclusions of Russian thinkers about the uniqueness of the process of elitogenesis in the Old Russian state, which was fundamentally different from similar processes in Western states, the specificity of the Moscow political system, which consisted in its cathedral structure and was ideologically substantiated in the doctrine of “self-powerful sobornost” is revealed. The author characterises the statements about the national peculiarities of Russia's state development, which for centuries, in the opinion of most Russian philosophers and scientists, invariably combined the principles of autocratic autocracy and the Veche traditions of local worlds, which ultimately ensured the stability of the technically and politically weak Russian autocracy in periods of crisis, turmoil and external invasions. For the first time Russian scientists and thinkers' assessments of the place in this process of the events of the Time of Troubles of the early 17th century, the role of zemstvo self-government and local worlds, in whose hands the fate of the Russian state appeared during the terrible years of the Great Troubles, in the preservation and revival of the collapsing state are considered in detail.

KEY WORDS

national statehood, Veche traditions, Orthodox democracy, social organisation of the Eastern Slavs, the doctrine of “autocratic sobornost”, the events of the Time of Troubles.